

«ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАСТЕРА» А. ПЛАТОНОВА.
КЛЮЧИ К СМЫСЛУ НАЗВАНИЯ

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 июня 2014 г.

Аннотация: в статье исследуется специфика названия повести А. Платонова «Происхождение мастера». Предпринимается попытка установить причину выбора этого названия.

Ключевые слова: название произведения, художественный текст, проза Платонова, творческие стратегии.

Abstract: the article discusses the title of A. Platonov novel «The Genesis of the Master». The aim of the research is to show the reason for the writer's choice of the title.

Key words: title, fictional text, A. Platonov's works, creative strategies.

Вопрос о смысле названия «Происхождения мастера», достаточно значительной по объему части романа «Чевенгур», опубликованной в 4 книжке журнала «Красная новь» за 1928 год и под тем же заглавием включенной в одноименный сборник прозы («Федерация», 1929), обсуждался еще при жизни писателя [1, 195-202; 203-211].

Когда же платоновский роман впервые напечатали в Париже на русском языке («УМСА-PRESS», 1972), выяснилось, что в опубликованной «версии» отсутствовала именно эта часть произведения. Причина издательской ошибки, очевидно, заключалась в том, что «Происхождение мастера», как и другие фрагменты романа («Потомок рыбака», «Приключение»), в конце 1920х годов напечатанные в советских журналах, через двадцать лет после кончины Платонова уже воспринимались как автономно существующие (или сосуществующие) тексты.

Многолетнему заблуждению способствовали и жанровые подзаголовки – «повесть», «из повести», «рассказ», сопровождавшие их публикацию и републикацию, а также запрет на распространение информации о подлинном масштабе творческого наследия писателя, умершего почти в полном забвении. Правда, во второй половине 1960-х гг. такие добросовестные исследователи, как Е. Краснощекова, В. Скобелев, Л. Шубин, «идя на красный свет», упоминали и пересказывали в своих статьях «Чевенгур», приводя цитаты из неопубликованной части произведения. Но случаев такого добросовестного и смелого профессионального поведения было немного.

До сих пор существует ошибочное мнение, что переиздание различных отрывков романа в Совет-

ском Союзе инициировано лишь в 1970е. Это не так: в майском номере журнала «Волга» за 1966 год «Происхождение мастера» перепечатали как «повесть» по тексту, предоставленному вдовой писателя М. А. Платоновой. «Краткая справка», предварявшая публикацию, содержала множество неточностей и вынужденных «умолчаний». Редакторы журнала не рискнули назвать писателя романистом, перечислить созданные им значительные вещи – почти все приведенные в справке рассказы и повести включены в сборник «Избранные произведения» (1958), после выхода которого «выяснилось, что имя Андрея Платонова основательно забыто» (Л. Шубин).

Название «Происхождение мастера» задавало разные контексты восприятия републикованной части романа, в том числе связанные с биографией писателя. В изданной во Франции книге «Андрей Платонов в поисках счастья» М. Геллер писал по этому поводу: «Нелегко объяснить название, которое дал писатель первой части романа. Кто мастер, о происхождении которого рассказывается?

Им не может быть Захар Павлович, человек с золотыми руками, потерявший интерес к жизни и работе, ибо не нашел идеи, которая могла бы наполнить пустоту в его сердце. Им [не] мог бы быть Саша Дванов, вступивший в партию и вдохновленный идеей немедленного сооружения рая на земле. Но Саша умирает в конце романа, кончает самоубийством, ибо разочаровывается в утопии, которую строил, и возвращается к отцу, воскресить которого не смог.

Под «мастером» Платонов, по-видимому, имел в виду себя. Не случайно дает он Саше Дванову свой возраст, свою работу в железнодорожных мастерских, свое обучение в политехникуме, свою работу в губернской газете. И свои мысли, свою веру, свое вооду-

шевление, характерные для Андрея Климентова в первые революционные годы. Критик М. Майзель, назвавший статью о Платонове «Ошибки мастера», видимо, правильно понял смысл заглавия» [2, 182].

Попытки вычитывать из произведения подробности биографии реального человека – писателя, создателя художественного текста, были весьма распространенным явлением и в современной Платонову литературной критике (и литературоведении). Это обстоятельство, очевидно, также учитывалось писателем. Характерно, например, что, перерабатывая повесть «Строители страны» в роман «Чевенгур», он исключает из текста замечательный фрагмент, воссоздающий один из «механизмов» создания «ненастоящих, сфабрикованных биографий» [2]. В повести большевик Копенкин приказывал арестованным бандитам сделать друг другу татуировки – «вечные знаки» подлинной сути врагов советской власти. И они их сделали, но так, чтобы позднее придумать более безопасную версию прежней жизни: «Весь вечер сидели полуголые Мрачинский и Никита, поочередно вправляя друг другу буквы под кожу на груди: «бел. св.» – белая сволочь. Мрачинский нарочно <...> поставил слово «бел.» <...> над словом «св.». Он про себя решил их дописать, чтобы получилось «Белгородский святитель» – название, скажем, корабля, на котором он был, например, матросом» [3, 369].

В окончательный текст романа это ёмкое по смыслу описание не вошло. Однако подозрения в чуждом социальном происхождении в течение многих лет сопровождали «биографического автора» романа. Свидетельство тому – один из доносов, поступивший в ОГПУ после публичного чтения глав из романа «Чевенгур» в Московском товариществе писателей (МТП). «ПЛАТОНОВ – писатель молодой, довольно одаренный, но чем-то крепко ущемленный при советской эре. Я не удивился бы, если бы узнал, что родители ПЛАТОНОВА были купцы, кулаки или офицеры. И что с ними поступлено сурово, так вражда ПЛАТОНОВА в его произведениях хлещет из каждой буковки... Роман «ЧИВИНГУР» [так в тексте. – О. А.] настолько характерен, что его надлежало бы напечатать на ротаторе в 100 экземплярах и дать прочитать нашим вождям – может быть, вплоть до т. Сталина и других. Эта вещь, редчайше острая и редчайше вредная. И мне почему-то кажется, что эта вещь ещё может наделать скандалов. Лучше было бы купить эту вещь у автора и законсервировать её лет на десять. ПЛАТОНОВ, повторяю, несправимо-консервативен и человек чужой» [4, 849–850]. Показательна и «аттестация» писателя, внесённая в протокол заседания рабочего редсовета Государственного издательства художественной литературы от 27 окт. 1930 года: «Собранию было бы интересно заслушать биографию тов. Платонова. Произведение обычно говорит о социальном

лице, но это произведение говорит не о здоровом социальном лице. Образы в произведении остроумны, это говорит за то, что автор их не подбирал, – они остроумны, но не чисто плотны. Выводы – нянчиться с ним не нужно» [5, 616].

Но вернёмся к спорам о смысле названия.

Мастером Александра Дванова считает Е. Краснощекова. Исследователь отмечает, что этот герой «недаром поименован высоким словом – «Мастер»: его сердце вместило в себя и влюблённость в механизмы, и влечение к людям, готовность превратить их «беззащитную и одинокую жизнь» в счастливую» [6, 11].

Правда, в разные годы современники А. Платонова, его знакомые и друзья по воронежскому Комсоюзу, предпочитали, рассказывая о работе молодых пропагандистов нового мира, говорить не о мастерах, а об «умельцах» (А. Явич), «кустарях слова» (А. Новиков). Но факт остается фактом: писатель в годы своей максималистской юности, затрагивая производственную тему на страницах большевистской прессы, доказывал, что «Член РКП необходимо будет и мастером» [7, 1].

Е. Яблоков отмечает, что «в самом романе «мастером» прямо назван Захар Павлович – для которого, впрочем, преобразовательно-практическая деятельность в конечном счёте лишается привлекательности: «от душевного смущенья <...> терял своё усердное мастерство»; поэтому слово «происхождение» по отношению к нему выглядит, на первый взгляд, неадекватным. Однако дело в том, что на своеобразном платоновском языке «происхождение» означает не только «рождение», «формирование», но и нечто прямо противоположное – «исход», «избывание», «исчерпание»: двусмысленность вполне соответствует логике образа Захара Павловича, ставшего мастером – и переставшего им быть <...>

Идее «мастерства» как активной преобразовательной деятельности (в том числе и политической) противостоит в каком-то смысле сама структура платоновского художественного мира. Так, в романе «Чевенгур» основой художественного «механизма», поддерживающего эффект амбивалентного «лирико-сатирического» авторского отношения к изображаемому, предстаёт принцип обратимости, зеркальной симметрии: реализуясь на разных уровнях художественной структуры, он создаёт образ универсума, который допускает в одно и то же время диаметрально противоположные интерпретации, но все же не поддаётся рационализации» [8, 187, 191].

Эффекту «иррационального» восприятия названия «Происхождение мастера» и рождению мифа о взаимоотношениях Платонова и Булгакова немало способствовала вдова писателя М. А. Платонова, рассказывавшая о легенде, появившейся во второй половине 1960-х годов, после опубликования романа «Мастер и Маргарита»: «Распустили сейчас слухи, что Маргарита – это я, а Мастер – это

Платонов. Да, Булгаков называл Платонова мастером, бывал у нас на «средах», всегда сидел вот на этом диване, в уголке, слушал Платонова молча, зыркал глазами, говорил нервно: «Андрей, ты мастер, ты мастер!», но причём тут – что «я – Маргарита»? Кто-то придумал» [9, 199].

Оставляя за рамками статьи предания и легенды, отметим, что в тексте романа с мастером сравнивается «командир полевых большевиков» – Степан Копенкин. Ср.: «Копенкин пригнулся и свободным движением мастера вышиб саблей обрез из рук постового, ничуть не ранив его; Копенкин имел в себе дарование революции» [10, 160].

Из этой характеристики следует, что на весах новой аксиологии мастером может считаться тот, кто умело борется за дело революции. Сходную роль легко приписать и Дванову, избравшему своим оружием слово...

Не исключено, что в конце 1920х годов в названии «Происхождение мастера» реализовалось вынужденное намерение Платонова и редакторов (несмотря на политическую конъюнктуру, заинтересованных в дальнейшем издании полного текста романа) «легализовать» первую его часть указанием на темы, «социально близкие» для советской литературы и публицистики – темы «происхождения» и «мастерства». И потому уже привычные для слуха цензоров. По замечанию В. Вьюгина, словосочетание «Происхождение мастера» вызывает ассоциации с названием книги Дарвина «Происхождение человека», а также – с заглавием работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [11, 109].

Но в 1928 и особенно в 1929 гг., после выхода рассказа «Усомнившийся Макар» и развёрнутой в средствах массовой информации ожесточённой критики Платонова, вопрос стоял не только о дальнейшей судьбе произведения, но и о судьбе его создателя. После предварительного знакомства с романом самые разные по статусу и возможностям издательства не брали на себя риск напечатать полный текст «Чевенгура».

Не оставляя надежды увидеть свой шедевр опубликованным, писатель обращался к разным влиятельным фигурам из литературно-издательского мира, написав на первой странице машинописи: «Не обращать внимания на правку красными и синими чернилами – это трудился редактор в тщете своего ремесла» [12, 1].

Но все попытки пробить глухую стену непонимания и страха были тщетны.

И тогда вместо отклонённого романа Платонова в издательстве «Федерация» в самом конце 1929 года вышел сборник «Происхождение мастера», отпечатанный на типографской бумаге плохого качества тиражом 4000 экземпляров. До сего дня нет ответа, почему на титульном листе этой книги указан 1929

год, а на обложке – 1930 (первым на это несоответствие обратил внимание Т. Лангерак).

Датировки, сопровождающие произведения, собранные под одной обложкой, также не совпадают с принятыми в современной науке. И «Епифанские шлюзы», и «Город Градов», и даже повесть «Ямская слобода», ближе других стоящая ко времени написания романа «Чевенгур», отнесены к 1926 году. Не указан год создания «Сокровенного человека». И лишь текст «Происхождения мастера» датирован 1927 годом.

За этими умолчаниями и несоответствиями прочитывается стремление издателей и составителей показать не столько «рост мастерства», сколько хронологическую лояльность, доказывающую направление исканий писателя, якобы оставившего в прошлом настроения «Епифанских шлюзов» и «Города Градова», чтобы перейти к теме происхождения «мастеров новой жизни».

Важно и расположение отобранных для издания произведений. Книгу открывает «Происхождение мастера», где Александр Дванов, откомандированный партией «на фронт гражданской войны, – в степной городок Урочев» [13, 63], даёт обещание написать «больше», чем обычно сообщают в корреспонденции: «жив, мол, и здоров». А завершает книгу повесть «Ямская слобода», герой которой Филат, поверивший в справедливость нового мира, отправляется «бить кадетов».

Таким образом подчёркивался продолженный в «Происхождении мастера» «исходный интерес» к борьбе классов и выстраивалась «версия», по логике издателей, подтверждавшая «благонамеренность» пролетарского писателя, выходца из социальных низов.

Формально же слова Александра Дванова давали повод считать одним из прототипов этого героя самого романиста, в разгар Гражданской войны направленного в «степной город» Новохоперск.

Но все попытки Платонова и его возможных единомышленников были безуспешны. На долгие десятилетия вместо «Чевенгура» в читательское сознание вошла «повесть» с названием, возможно, специально дописанным к выбранной для публикации первой части романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Майзель М. Ошибки мастера; Мессер Р. Попутчики второго призыва // Звезда. – 1930. – № 4. – С. 195–202; 203–211.
2. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья / М. Геллер. – Париж, 1982. – С. 182.
3. Повесть А. Платонова «Строители страны». К реконструкции произведения. Публикация, вступ. статья и комментарий В. Ю. Вьюгина // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов, А. Платонов, Л. Леонов. – СПб., 1995. – С. 369.

4. Цит. по: Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ. 1930–1945 / Публ. В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – Вып. 4. Юбилейный. – М., 2000. – С. 849–850.

5. Протокол заседания рабочего редсовета Государственного издательства художественной литературы / Статья и публ. Н. Умрюхиной // Архив А. П. Платонова. Книга 1. – М., 2009. – С. 616.

6. Краснощекова Е. О художественном мире Андрея Платонова / Е. Краснощекова // Платонов А. Избр. произв. : В 2 т. – М., 1978. – Т. 1. – С. 11.

7. Платонов А. Мастер-коммунист // Воронежская коммуна. – 1920. – 12 ноября. – С. 1.

8. Яблоков Е. Homo creator — homo faber — homo

spectator (тема «мастерства» у А. Платонова и М. Булгакова) / Е. Яблоков // Russian Literature (Amsterdam). – 1999. – V. 46. – № 2. – С. 187, 191.

9. Одинцов Е. Его Мария / Е. Одинцов // Русская мысль. – 1993. – № 1-2. – С. 199.

10. Платонов А. Чевенгур / А. Платонов / Сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. – М., 1991. – 654 с.

11. Вьюгин В. Платонов и анархизм. К постановке проблемы / В. Ю. Вьюгин // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. – Вып. 2. – М., 1995. – С. 109.

12. РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 80, л. 1.

13. Платонов А. Происхождение мастера / А. Платонов. – М., 1929. – С. 63.

Воронежский государственный университет

Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Voronezh State University

Aleinikov O. Yu., Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: oaleinikov@yandex.ru